

Интернет-стереотипы восприятия русской классики: визуальный аспект

Internet Perceptual Stereotypes Russian Classics: Visual Aspect

Боева Г.Н.

Д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
e-mail: g_boeva@rambler.ru

Boeva G.N.

Doctor of Philological Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
e-mail: g_boeva@rambler.ru

Аннотация

Комический коммуникационный интернет-дискурс исследуется на материале интернет-мемов с использованием образов русских классиков и цитат, имеющих характер литературной прецедентности. Теоретическая основа статьи – концепция литературных репутаций (И.Н. Розанов) и идеи социологов П. Бурдьё и М. Маклюэна. Анализируются трансформации литературных репутаций под влиянием современных аудиовизуальных технологий и ценностей. Делаются заключения о причинах популярности / непопулярности образов классиков в современном массовом сознании, явленном в интернет-пространстве; обнаруживаются новые культурные смыслы бытования литературных концептов.

Ключевые слова: классика, Интернет, мем, литературная репутация, рецепция, образ писателя, креолизованный текст, прецедентный текст.

Abstract

Drawing on Internet memes using images of Russian classics and quotes of precedence from their works, comic communication Internet discourse is investigated. The theoretical basis of the article is the concept of literary reputations (I.N. Rozanov) and the ideas of sociologists P. Bourdieu and M. McLuhan. Transformations of literary reputations under the influence of modern audiovisual technologies and values are analyzed. Conclusions are made about the reasons for the popularity / unpopularity of images of classics in the modern mass consciousness, revealed in the Internet space; new cultural meanings of the existence of literary concepts are discovered.

Keywords: classics, Internet, meme, literary reputation, reception, image of the writer, creolized text, case law.

На основе интернет-мемов [5] в открытых для доступа ресурсах Рунета проследим, какие составляющие литературных репутаций писателей наиболее актуальны, и зададимся вопросами: каким трансформациям они подвергаются под влиянием технологий и ценностей современной эпохи и какие новые культурные смыслы бытования литературных концептов при этом возникают. Нас будут интересовать различные виды интернет-мемов, эксплуатирующие образы писателей: текстовые мемы (с использованием цитат и сюжетных коллизий из ключевых текстов классической литературы), мемы-картинки (реже), креолизованные тексты [4: 180-181] – «картинка + сопроводительный текст».

Степень прецедентности мемов различна [6: 163]. Большое количество интернет-мемов «литературного происхождения» или представляет собой лексические каламбуры, или обыгрывает звуковую оболочку эксплуатируемого литературного контента. Приведем несколько примеров таких поверхностных литературных мемов, «перепевающих» цитату или фамилию писателя и не предполагающих погружения в пре-текст: «Рублю бабки» (картинка с Раскольниковым); «Алло, это Грибоедов? Я тоже веган» (картинка с пингвином, говорящим по

мобильнику); «Горький – сладкий» (портрет М. Горького как реклама пирожка в KFC); «Хук слева Хук справа Блок» (фотография А. Блока между двумя репродукциями портрета немецкого художника И.Г. Хука); «Лев Толстой не был толстым львом» (изображения, соответственно, писателя и льва).

В рамках нашей темы не столь важно различие между видами мемов, а потому ограничимся минимумом примеров, демонстрирующих разницу между простым мемом-каламбуром и мемом, объединяющим автора и реципиента на основе общего, пусть и поверхностного знания о предмете. Например, следующий мем-каламбур использует прием тавтологического созвучия и адресует ко всему корпусу классики, не углубляясь в ее особенности: «Русская классическая литература – все в одном классе» (на фоне типичной выпускной фотографии класса с портретами школьников в круглых рамках – вместо них классики из школьной программы от Пушкина до Горького). Второй мем представляет собой текст без картинки, черным по белому: «Вся русская литература построена целиком на страдании. Страдает либо автор, либо читатель» (вариант: «Все очень плохо. А теперь поговорим об этом подробнее на 700 страницах»). В последнем случае у автора сообщения и его адресата предполагается общее знание о психологизме русского классического романа и делается иронический намек на его многостраничность, а попутно звучит отсылка к важному для Достоевского концепту «страдание».

Представление интернет-пользователя об отечественном литературном каноне [2: 176] отражено, например, в следующем меме: «Так. Ну все. Меня не слушали, так вот они сейчас объяснят вам, в чем разница между “надел” и “одел”» (вариант: «У тебя три ошибки в одном слове») – с агрессивным видом, наступательно, шествуют Пушкин (в центре), Гоголь, Толстой, Достоевский и Чехов.

Непременное условие успешного восприятия мема, посвященного писателям, – культурная пресуппозиция: знакомство с творчеством и биографией писателя в объеме школьной программы. Например, следующий мем предполагает знание биографий русских поэтов и писателей, которые в карнавальном духе дискредитируются как «неистинные святые»: «Учителя литературы в школе заставляют 14-летних детей анализировать и понимать стихи взрослых алкашей, покончивших жизнь самоубийством».

Как и следовало ожидать, самый востребованный герой литературных мемов – находящийся в самом «ядре» национального канона Пушкин. Его центральное положение обыграно даже на метауровне: «Пушкин – это наш мем» (рядом с графическим автопортретом классика). Или так: «Сынок, уроки сделал? – Нет, еще не сделал. – А че сидишь? Пушкин будет делать? – На *** мне это надо? Я умер» (последняя реплика принадлежит самому поэту). Текст: «Чукча не писатель, чукча – читатель!» – сопровождается, разумеется, изображением Пушкина, олицетворяющего писателя как такового. «Нет! Тока кружку!», – видим мы классика, отказывающегося от предложения выпить (аллюзия одновременно и на советский плакат, пропагандирующий трезвость, и на пушкинские строки «Выпьем с горя; где же кружка?»). Пушкин оказывается мифологизированным персонажем, прецедентность которого поистине неисчерпаема. А вот так переосмыслен один из последних сетевых мемовирусов «Наташа и коты»: множество Пушкиновых встревожено будят «Наташу» (жену?): «Наташ, вставай, мы “Маленькие трагедии” все дописали», «“Евгения Онегина” даже дописали», «Дописали, честно», «Мы вообще все дописали».

В большинстве интернет-мемов о Пушкине мы найдем снижающие образ классика отсылки к хрестоматийной версии его биографии, преломленной массовым сознанием (многие из них сопровождаются известными изображениями поэта – портретом кисти О. Кипренского, В. Тропинина и др.): «Картежник, бабник, дуэлянт, африканские корни»; «Первый русский рэппер не Тимати. Первый русский рэппер – А.С. Пушкин. Он классно рифмовал, имел африканские корни и погиб в перестрелке». В некоторых мемах эксплуатируется только одна из черт этого стереотипного набора, например, дуэли поэта, или его семейная жизнь (портрет поэта и текст с использованием двух эмодзи-сердечек «Любовь – это... Че ты про жену мою сказал упырь пойдем выйдем наташа не лезь я сам»), или его «донжуанский список»:

«Женщины обвиняют Пушкина» – текст сопровождает графическое изображение сокрушенной фигуры поэта в окружении женщин, гневно предъявляющих ему претензии. Очевидно, что здесь репутация классика становится поводом для актуального высказывания о харассменте, порождающем информационные бури в СМИ и интернет-пространстве. Встречаются отсылки к модному певцу («Запомнить стихи Пушкина! Запомнить все песни Фейса [современный рэппер – Г.Б.] *наизусть!*») или к культовому фильму. Примечателен мем с кадром из «Криминального чтива» К. Тарантино: «*Ну давай скажи мне про Пушкина еще раз! Ты позоришь Пушкина*». Напомним, что в фильме в этой сцене один из главных героев, бандит Джулс, прежде чем убить человека, цитирует отрывок из проповедей пророка Иезекииля – замена Священного писания на имя Пушкина наводит на мысль о восприятии последнего как сакральной фигуры, эквивалентной святому или пророку.

Поскольку интернет-пользователь преимущественно аудиовизуал, в мемах немало переключек между образами литературных классиков и героями популярных фильмов. Например, русские писатели и поэты представлены в образах «неудержимых» из одноименного фильма 2010 г. (реж. С. Сталлоне) – американского боевика с участием самых знаменитых актеров 1980–90-х гг., играющих группу элитных наемников. А сюжет другого мема – проекция двух бандитов из уже упомянутого «Криминального чтива» на главных «героев» литературного канона: Пушкин и Гоголь направляют на зрителя пистолеты со словами: «*Ты прочитал Ревизора и Мертвые души? Если нет – иди и читай ****». Было бы логичнее требовать прочтения одного пушкинского и одного гоголевского текста – и встает вопрос: знал ли анонимный интернет-автор, что Пушкин отстаивает чужие авторские права?..

Закономерно, что вторая по значимости фигура в литературных интернет-мемах не Лермонтов (немногочисленные мемы сообщают нам только о его шотландском происхождении и любви к картам), а Гоголь, соперничающий народной славой с Пушкиным (как тут не вспомнить положение В. Белинского о двух направлениях русской литературы – «пушкинском» и «гоголевском»). Причем, как это неоднократно бывало последние десятилетия [3], славы писателю прибавил киносериял «Гоголь» (реж. Е. Баранов, 2017–2019), недавно вышедший в кинопрокат и отраженный в мемомтворчестве: «*Тебе не обязательно читать Гоголя, если ты можешь сходить на него в кино*». Впрочем, некоторые мемы, отстаивая литературоцентризм, транслируют критическое отношение к сериалу: «*Гоголь здорового человека (портрет писателя кисти Ф. Моллера) / Гоголь курильщика (портрет актера, играющего писателя в сериале)*» (вариант: те же изображения с подписями «*Хороший Гоголь / Плохой Гоголь*»).

Самый «мемогенный» факт жизни и творчества Гоголя – сожжение им второго тома «Мертвых душ»: «*Я тебя написал – я тебя и сожгу*» (налицо одновременно апелляция к факту биографии и прецедентной фразе из «Тараса Бульбы»); «*А что если Гоголь сжег второй том “Мертвых душ”, потому что писал на латинской раскладке и заметил это только на последней главе?*»; «*Твою книгу не раскритикуют, если...*» (плюс изображение пламени); «*Гоголь к Булгакову: Миш, сегодня будем зажигать. Снова вторая часть не нравится?*» (Гоголь – М. Булгакову, автору знаменитой воландовской фразы «*Рукописи не горят*») и даже «*Фильм выйдет в 4 частях, но четвертую сожгут*». Примечательно, что интернет-авторы часто обыгрывают загадочные обстоятельства смерти писателя («*Ребята, хватит шутить: побаловались и хватит, открывайте уже*»), но совершенно игнорируют такие составляющие его репутации, как склонность к мистицизму, проповедничество, разногласия с современниками вследствие скандально знаменитых писем к друзьям и т.п. – все это, видимо, не остается в «сухом остатке» от школьной программы и не может стать надежной основой для мемов, делающих ставку на узнаваемость и общедоступность.

Среди мемов о Достоевском преобладают отсылающие к «Преступлению и наказанию» – произведению, прочно входящему в «школьный канон» и сюжетно остроумно спародированному так: «*Кот нагадил в ботинки... Пожалуй, не стану ругать, а лишь намекну, что я его подозреваю. Буду держать в нервном напряжении, пока кот не раскается*». Запечатлено в меме и общее представление о репутации писателя: «*Мне мешает быть*

счастливым Достоевский в голове» (картинка с силуэтом головы ребенка, внутри которой помещен портрет писателя).

Столь же «мрачными» представляются мемовторцам и поэты из литературного канона XX в.: «Депрессия не приходит одна: она приводит с собой Маяковского, Есенина и Бродского». Похоже, русская литература массовому сознанию открывается как предельно пессимистичная, настраивающая на страдание и боль, а не обнадеживающая и лечащая.

Лев Толстой славен среди интернет-пользователей, прежде всего, как автор эпопеи «Война и мир», самого объемного произведения в школьной программе. Именно этому посвящена большая часть «толстовских» мемов: например, изображающий две книги – толстую и тонкую – с соответствующими надписями: «*“Война и мир” / “Война и мир” без описания дуба*»; «*Иисус умел превращать воду в вино, а я в Войну и мир* (твит от имени Льва Толстого)»; четыре квадрата: «*Маг воздуха, маг огня, маг земли, Лев Толстой* [понимай как «вода» – Г.Б.]»; «*Перепиши меня полностью*» (слова Толстого, строго взирающего на адресата) и т.п. Очевидно, что современный массовый читатель отвергает формат романа-эпопеи, а другие произведения Толстого в меньшей степени укоренены в «школьном каноне». Имя Толстого не в чести у «среднего» выпускника средней школы, знающего «Войну и мир» понаслышке, по краткому пересказу или по одной из экранизаций, и остается просто одним из имен «литературного иконостаса». Если учесть, что в русской литературе несколько писателей Толстых, то вполне понятен следующий мем, где однофамильцы практически взаимозаменяемы: «*На словах ты Лев Толстой, а на деле – Алексей*» (прилагается портрет Алексея Толстого). Лишь немногие могут почувствовать в нем противопоставление литературных репутаций двух Толстых, один из которых – непримиримый духоборец и, в современных понятиях, оппозиционер, а другой – сотрудничающий с властью успешный писатель.

В уже упомянутом меме «Неудержимые», где русские классики представлены в виде brutальных военных наемников, в сущности, дан весь литературный пантеон XIX в.: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, Некрасов, Чехов. Интересно, что среди «неудержимых» нет Гончарова, автора «Обломова», который известен всем, хотя и немногими прочитан, поскольку традиционно «потеснен» в школьной программе своими более «удачливыми» конкурентами – Достоевским, Толстым и Тургеневым. Нет среди «неудержимых» ни одного писателя XVIII в., которые почти полностью «выпали» из школьного литературного канона. Из предшественников Пушкина видим только Грибоедова, который стойко «держится в обойме»: он не только автор комедии, ставшей непреходящим источником прецедентных фраз и выражений, но и обладатель яркой биографии (на эту тему мем «*Грибоедов обожал дуэли: стрелялся несколько раз в день и бросал перчатку в лицо каждому встречному*»). Из XX в. «повезло» только наиболее brutальным: Маяковскому и Есенину – они чаще всего являются героями интернет-мемов. Из их биографий «пригождаются» суициды и скандальные репутации (один хулиган, другой – футурист и глашатай), причем массовое сознание, разумеется, отождествляет поэтов и их лирических героев. Как видим, для того, чтобы стать популярным героем мемов, нужна не только укорененность в литературном каноне (т.е., прежде всего, в школьной программе [1: 107]), но и яркая, поражающая воображение биография, поддающаяся травестированию в духе карнавальной смеховой культуры (М.М. Бахтин). Поскольку с некоторыми классиками это проделать затруднительно (например, с Гончаровым или Некрасовым), они выпадают из поля мемовторчества или присутствуют там периферийно. Непопулярен у современного массового читателя и романтизм, что проявляется в отсутствии стойкого интереса в Рунете к Лермонтову (он фигурирует лишь в «коллективном портрете» классиков). Из триады классиков-поэтов XX в.: Блок, Маяковский, Есенин, – первый выпадает как сложный. Причина очевидна: современное сознание сопротивляется «двомирному» тексту, а последние герои воспринимаются в земной, близкой плоскости, причем столь же плоско и упрощенно: один – как глашатай, другой – как хулиган.

В преддверие одного из приближающихся юбилеев: 80-летия С. Довлатова, – Дом Русского Зарубежья и вдова писателя объявили марафон мемов о нем, что подтверждает

следующую мысль. А именно: мем превращается в одну из современных форм рецепции творчества писателя массовым читательским сознанием, т.е. буквально до одной картинки «свернутую» формулу восприятия творчества классика (фигура редукции). В этой связи можно отметить, как удачный мем, автору которого удалось в изящной, артистической форме, с помощью каламбура, отразить представление о литературной репутации и художественном мире писателя: *«Довлатте: Кофе со вкусом вчерашней горечи, заслоняющей вчерашний позор».*

Литература

1. Боева Г.Н., Шарафадина К.И. Интермедиаальный ресурс текстов новых медиа как теоретическая и методическая проблема // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки, 2021. – № 1. – С. 105-113.
2. Гуськов Н.А. I Международная научная конференция «Русская литература в переводах на иностранные языки. Русский литературный канон: центры и периферия», Краков, 22-23 октября 2015 г. // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 2016. – Вып. 3. – С. 176-179.
3. Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 452-489.
4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 180-186.
5. Шомова С.А. Мемы как они есть: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 136 с.
6. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог, 2012. – Вып. 3. – С. 160-172.